

Александр Илиади,

заведующий кафедрой языковой подготовки Кировоградского юридического института Харьковского национального университета внутренних дел, д-р филол. наук

К ЭТИМОЛОГИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ ГРУППЫ ПРАСЛАВЯНСКИХ АДЪЕКТИВОВ, ПРОИЗВОДНЫХ ОТ СОМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

У статті відновлюються й етимологічно коментуються кілька груп праслав'янських ад'єктивів, генетично пов'язаних із назвами частин людського тіла. Більшість їх збережена не в апеллативному, а пропріальному (ономастичному) словнику, що слугує додатковою вказівкою на їхню архаїку.

В статье восстанавливаются и этимологически комментируются несколько групп праславянских адъективов, генетически связанных с названиями частей человеческого тела. Большая их часть сохранена не в апеллативном, а проприальном (ономастическом) словаре, что служит дополнительным указанием на их архаику.

In the article there some adjective Proto-Slavonic groups related with the somatic lexics are etymologized and comented. The most part of these ones conserved not in the appellative, but in proprial (onomatological) vocabulary that is the one more indication if its archaic kharacter.

Славянская соматическая лексика, или лексика, обозначающая части тела, относится к древнейшему пласту словаря любого из славянских языков. За вычетом сравнительно поздних книжных заимствований и калек, появившихся у славян в эпоху становления европейской медицинской терминологической номенклатуры, возраст подавляющего большинства названий из этой лексико-семантической группы измеряется эпохой праславянского или даже индоевропейского диалектного состояния. Потенциальная древность славянских (и не только) соматических терминов закономерно привлекает к ним пристальное внимание специалистов, чьи интересы сосредоточены как раз в области праславянской реконструкции, потому нет нужды специально оговаривать важность этимологических наблюдений над указанной лексикой. Не менее важным, по нашему мнению, является описание системы архаичных производных от названий различных частей тела, которое не только наметит приблизительный состав их словообразовательных гнезд, заполнив тем самым пробелы в реконструкции праславянского словаря, но также позволит сделать выводы о деривационной активности соматонимов в посл. диалектах. В приводимых ниже лингвистических этюдах изложены результаты этимологического анализа ряда субстантивированных в ономастике прилагательных, основа которых содержит соматические термины *kostolyga, *polokostъ, *poloustъ, *čьrnoudъ, *bьlzoudъ, *beroudъ, *dьbъžuidъ, *maxoudъ, *mьkoudъ, *bezmьdъjь, *bьlomьdъ, *permьdъ, *sьromьdъ, *suxomьdъ, *šььlkomьdъ (*šььl'ьkomьdъ?), *tьrčemьdъ, *žilomьdъ.

Псл. **kostolyga*: ст.-рус. **Костолыга* – личное имя, от которого была образована фамилия *Костолыгин*, 1636 г. [2, с. 159]. Именное сложение **kostь* и **lyga*, ср. блр. диал. *лыга* ‘нога’, *лыги* ‘тонкие ноги’, приводимые авторами ЭССЯ в статье **lygati* II [23, вып. 17, с. 24]. Таким образом, **kostolyga* обозначало человека с худыми ногами (фигурально – «костяную» ногу). Рефлекс этой лексемы сохраняется в составе префиксального отыменного рус. диал. (вят.) глагола *окостолыжиться* ‘взъерошиться, принять устрашающий вид (о кошке)’, 1858 г. [17, вып. 23, с. 157], семантика которого, по-видимому, развилась из **‘напрячь лапы (от чего они перестают сгибаться, «окостеневают»)’.*

Еще один случай с постпозитивным **lyg-* со значением ‘нога’ представленный в серб. диал. (Воеводина) *жyтoдлѣж* ‘название вида птицы’ [15, с. 55], букв. ‘птица с желтыми лапками’ = **žyto-lyžь* (**lyžь* < **lyg-jь*).

Псл. **polokostь*: чеш. *Palkosta* [25, с. 87]. Форма чешского имени сильно изменена, вероятно, вследствие дестимологизации. Восстанавливаемое **polo-kostь* – первоначально прилагательное, образованное сложением основ adj. **polььь* ‘полый, открытый’ и **kostь* ‘кость’. Ср. однотипные адъективы, засвидетельствованные в русском диалектном словаре: влад., тобол. *пологрудый* ‘с открытой, обнаженной грудью’, костром., свердл., том., амур. ‘незапахнувшийся, в расстегнутой одежде’, тобол. ‘небрежно одетый’, олон., амур. *пологубый* ‘с постоянно раскрытым ртом’, арханг. (как сущ.) ‘рогозей’ [17, вып. 29, с. 98] < **polo-grqđььь*, **polo-gqđььь*, касательно последнего ср. еще псл. **poloustь* (см. след.) и рус. диал. арханг. *полоротой* ‘разиня, глуповатый человек’ – собственно, «с раскрытым ртом» ([21, с. 317]: к *полый* ‘пустой’). Семантика этих лексем дает возможность восстановить приблизительное значение **polo-kostь* как **‘тот, у кого выделяются (на открытом месте), выпирают кости’* (о худом человеке) или, если принять во внимание связь понятий ‘открытый’ и ‘широкий’, допустимо говорить о ‘ширококостый’ (ср. рус. выражение *широкий в кости*).

Еще один адъектив-комполит с начальным **pol-* представлен в псл. **poloustь*: ст.-укр. *Полоусь* Федорь – Запорожский гетман, 1595 г. [19, с. 312], укр. *Полоусов* – совр. фамилия [12, с. 88], ст.-блр. Ивашько *Полоусы*, XVI в. (в актах Могилёвского магистрата [1, Т. XXXIX, с. 197]) ~ рус. диал. *полоусый*, новосиб. *полоустый* ‘с широким горлом (о глиняном сосуде)’ [17, Вып. 29, с. 127]. Сложение **polььь* и **usta* ‘уста’, ср. выше рус. *полоротой*. Утрата этимологического *l* в перечисленных формах произошла из-за разрушения связей (затронуло и аппеллативную лексику) с рефлексами **usta*.

Фрагмент парадигмы псл. именных сложений с постпозитивным **udь* ‘часть тела, член’ (ср. ст.-сл. оудь ‘член’, слвн. *ūd*, чеш., слвц. *ūd* ‘то же’, пол. *ud* ‘ляжка’ и др.) может быть восстановлен с учетом:

*beroudь: пол. *Beroud* – совр. фамилия [26, с. 543]. Сложение древнего типа, состоящее из **ber-* (основа презенса глагола **bьrati*) & **udь*;

*bьlzoudь: *Болозудь* – имя средневекового мадьярского князя, принявшего крещение в Царьграде [13, с. 135]. Адаптация слав. имени (метатеза – известное средство освоения мадьярской речью групп согласных в слав. заимствованиях) **Бьлзо-*

удъ (древние мадьяры слав. именами называли своих правителей) [13, с. 128], восходящего к псл. *bъlzo-udъ, не отмеченному в апеллативном словаре слав. языков. Первая часть – псл. *bъlz- со знач. ‘толстый, выпуклый, неровный предмет’ (ср. укр. диал. бевзь ‘неповоротливый, медлительный человек’ < *‘толстый человек’) [6, с. 231];

*сърноудъ: рус. Черноудов – фамилия приводится в группе фамилий, производных, как считают, от названий различных пород голубей [20, с. 149]. Адъективное сложение с первым элементом *сърнь;

*дръзиудъ (?): укр. Дрозуд – совр. фамилия [12, с. 120], очевидно, возникшая как результат дестимологизации (откуда перестройка структуры) первоначального *Дрождиуд. Препозитивной является форма impreg. *дръжи (~ *дръжати ‘дрожать, трястись’). Восстановленное слово типологически сопоставимо с рус. разг. трясорукый;

*махудъ: пол. Machoud – совр. фамилия [26, с. 6650]. Сложение основы глаг. *махати, *маш ‘махать, размахивать’ с *удъ;

*токудъ: макед. Makeудов – антропоним (р-н Грнчари, Ресенско [14, Т. II, с. 12]. В первой части сложения – псл. *тока, макед. мака ‘мука (страдание)’ (см. о нем, напр., в [23, XX, с. 136–138]: *тока II).

Еще одна группа древних отсоматонимных прилагательных образована от псл. *тодо/*тодъ ‘testiculus’ [23, вып. 20, с. 123–125]:

*безтодъ: укр. Безмуди – фамилия (записана в с. Иванне Дубнивск. р-на Ровенск. обл. [11]). Дериват с отрицанием *без;

*белотодъ: ст.-рус. *Беломудъ – личное имя, ср. произв. от него местное название Беломудов – починок [9, с. 263]. Первая часть – прилаг. *бѣль;

*пертодъ: Парамуда – фамилия (г. Кировоград, запись наша), отражающая фонетически и грамматически измененное *Перемуд. Прилагательное архаичного вида (суффиксально не оформлено), образованное сложением *per с *тодо/*тодъ. В качестве потенциальной апеллативной опоры для *Перемуд (первоначально – уничижительное прозвище) приведем укр. диал. зап.-волын. собир. парамуда ‘мелкая мошка’ [8, с. 178], значение (‘мошка’) которого, возможно, развилось из *‘лобковая вошь’, ср. пол. вульг. mędowieszka ‘лобковая вошь’, образованное комбинацией основ mędo (~ укр. мудо) и weszka ‘вошь’ [24, с. 380];

*сѣротодъ: блр. Сарамуд – личное имя, которое в ономастической литературе толкуют как сложение *тодъ с некоей основой *sar- (ее генезис даже не пытаются объяснить), восстанавливая для этого имени ad hoc первоначальную форму *Sarотодъ [22, с. 263]. Между тем, первый компонент этого антропонима непротиворечиво объясняется как диал. вариант к блр. шэры ‘серый’ или же, с учетом польского лексического ингредиента белорусского именника, как пол. szary ‘то же’. Таким образом, Сарамуд может быть блр. диал. рефлексом псл. *сѣротодъ, равно как и пол. его продолжением *Szarотодъ (и *Sarотодъ с выравниванием q > y в белорусской речи), вошедшим в блр. диал. антропонимикон. Касательно модели образования «цветообозначение + *тодъ» ср. выше *белотодъ, а также хорошо известную рус. фамилию Чернамудов;

*suxomꙋdъ: ст.-рус. *Сухомудъ* – личное имя (в бывш. Новгородской земле [10, с. 82]), укр. *Сухомуд* – совр. фамилия (г. Луцк; приводится по [16, с. 217]), блр. *Сухомуты* (*Сухамуды*), XIX в. – название нас. пункта в бывш. Витебской губ. [18, с. 277] (с маловероятным объяснением в связи с лтш. *saus-mute* ‘сухой рот’). Первая часть – основа adj. *suxъ. Образования того же структурного типа широко представлены в слав. фамилиях вроде рус. *Сухорук-ов*, укр. *Сухорук*, *Сухоребр-ов* [16, с. 217], пол. *Suchorebr-uk* [26, с. 10852] ~ укр. *сухоребрий* ‘сухоребрый, худощавый’ [3, с. 233] ~ *rebꙋo ‘ребру’;

*ščьlkomꙋdъ (*ščelъkomꙋdъ?): ст.-рус. *Щолкомудъ* Степанко Кузминь, 1602 г. [4, с. 437]. Первый компонент – основа звукоподражательного глаг. *ščьlkatī (*ščelъkatī?) ‘щёлкать’, ср. типологически и генетически близкое рус. простореч. вульг. *мудозвон* ‘трепач, болтун’;

*тъгѣтꙋdъ: (произв.) серб. диал. тимок. *Трчамудоња* – мужское прозвище [7, с. 231]. Сложение, где препозитивной является основа глаг. *тъгѣtī ‘торчать, топорщиться’;

*žilomꙋdъ: ст.-рус. *Жиламудъ, по всей видимости, сохранившееся в составе названия нас. пункта *Жиламудица* (Новгород. земля [10, Т. VI, с. 561]). Первая часть – основа сущ. *žila ‘жила’.

Древность реконструированных выше адъективов, а потому правомерность определения их как праславянских образований, обусловлена:

– во-первых, особенностью их словообразовательной структуры, демонстрирующей отсутствие адъективного форманта -ьпъ, свойственное как раз многим старым прилагательным (*bezꙋdъjь, *perꙋdъ, *polouстъ и др.);

– во-вторых, их двукомпонентным составом, предполагающим препозитивную адъективную (напр., *сьꙋꙋъ, *роꙋjь ‘полюй’), субстантивную (*kostъ в *kosto-lyga фактически выполняет функцию прилагательного со знач. ‘костяная (перен. худая)’ (*lyga ‘нога’), косвенно подтверждая тезис А. А. Потехни и В. М. Жирмунского о том, что прилагательные как особый класс имен развились из синтаксического употребления двух существительных, где одно было атрибутом (определением) другого [5, с. 210]) или глагольную (напр., *drъžati, *тъгѣtī) основу и следующее за ней название части тела (*udъ, *kostъ, *ꙋdъ и др.);

– в-третьих, сохранностью их преимущественно в антропонимии – одном из ономастических классов, традиционно сохраняющим реликтовые формы, потертые апеллативным словарем;

– в-четвертых, дестимологизацией, повлекшей за собой изменение их звукового облика и далее – разрыв связей с однокоренными формами, соотношенность с которыми ранее обеспечивала прозрачность структуры восстанавливаемых адъективов.

Реконструируемые и этимологически комментируемые таким образом адъективы, по всей видимости, бывшие узко локальными образованиями, не только восполняют некоторые (впрочем, неизбежные при обработке огромного количества лексики) пропуски в словарях праславянской лексики (ЭССЯ и SP), но также обогащают наши представления о принципах номинации в древнем обществе (ср. яв-

ную описательность большинства приведенных прилагательных, по существу, являвшихся свернутыми атрибутивными словосочетаниями), конкретизируют языковую картину мира архаичных славян.

Література

1. Акты, издаваемые [археографическою] комиссиею, высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне (Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов). – Вильна : Б. и., 1865–1915. – Т. 1–39.
2. *Веселовский С. Б.* Ономастикон : Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 233 с.
3. Словарь української мови [упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченка]. – К. : Вид-во АН УРСР, 1959. – Т. 4. – 563 с.
4. Дела Тайного Приказа – СПб. : Тип. Главн. упр-я уделов, 1908. – Кн. 2. – 632 с. (Русская историческая библиотека).
5. *Жирмунский В. М.* Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // Избр. тр. / В. М. Жирмунский. Общее и германское языкознание – Л. : Наука, 1976. – С. 209–235.
6. *Илиади А. И.* Основы славянской этимологии / Илиади А. И. – К. : Довіра, 2005. – 271 с.
7. *Кожельцац Лб. Р.* Ономастика Тимока / Лб. Р. Кожельцац // Ономастолошки прилози. – Београд : САНУ, 1990. – Књ. 11. – С. 109–366.
8. *Корзонюк М. М.* Матеріали до словника західноволинських говірок / М. М. Корзонюк // Українська діалектна лексика : [зб. наук. пр. / гол. ред. І. Г. Матвіяс]. – К. : Наук. думка, 1987. – С. 62–267.
9. *Кусов В. С.* Чертежи земли русской XVI–XVII вв. / Кусов В. С. – М. : Русский мир, 1993. – 376 с.
10. Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. – СПб. : Пгр. : Б. и., 1859–1915. – Т. 1–6 : то же : Указатель. – 228 с.
11. Ономастическая картотека Института украинского языка НАН Украины [Фонды антонимии].
12. *Горпинич В. О.* Прізвища степової України : словник. – Дніпропетровськ : ДДУ, 2000. – 404 с.
13. *Раич И.* История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов, из тьмы забвения изъятая, и во свет исторический произведенная / И. Раич. – СПб. : Б. и., 1795. – 317 с.
14. Речник на презимињата кај македонците / [ред. Т. Стаматоски]. – Скопје, 1994–2001. – Т. 1–2.
15. Речник српских говора Војеводине / [ред. Д. Петровић]. – Нови Сад : САНУ, 2003. – Св. 3. – 203 с.
16. *Скорук І. Д.* Прізвища-композиції в антропоніміці м. Луцька / І. Д. Скорук // Актуальні питання антропоніміки : [зб. матеріалів наук. читань пам'яті Юліана Костянтиновича Редька / відп. ред. І. В. Єфименко]. – К. : Академперіодика, 2005. – С. 207–217.
17. Словарь русских народных говоров / [под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова]. – Л. : СПб. : Наука, 1965–2006. – Вып. 1–40.
18. *Трусман Ю. Ю.* Этимология местных названий Витебской губернии / Ю. Ю. Трусман. – Ревель : Тип. Г. Магизена, 1897. – 331 с.

19. *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903. – 857 с.

20. *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии / Б. О. Унбегаун; [пер. с англ. Л. В. Куркиной, В. П. Нерознака, Е. Р. Сквайрс; общ. ред. Б. А. Успенского]. – М. : Прогресс, 1989. – 443 с.

21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер / пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.

22. *Шульгач В. П.* Нариси з праслов'янської антропонімії / В. П. Шульгач. – К. : Довіра, 2008. – 413 с.

23. Этимологический словарь славянских языков : праславян. лекс. Фонд / [под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева]. – М. : Наука, 1990. – Вып. 17. – 272 с. ; 1994. – Вып. 20. – 256 с.

24. Етимологічний словник української мови : в 7 т. / [за ред. О. С. Мельничука]. – К. : Наук. думка, 1989. – Т. 3. – 552 с.

25. *Beneš J.* O českých příjmeních / J. Beneš. – Praha : ČSAV, 1962. – 356 s.

26. Słownik nazwisk używanych w Polsce na początku XXI wieku / [oprac. K. Rymut]. – Kraków : PAN, 2003. – 13299 s. (Format płyta CD).